

Аграмматические тексты и их место среди продуктов речевой деятельности

Б. Ю. Норман

Agrammatical texts and their place among the of speech activity's products

B. Ju. Norman

Борис Юстинович Норман – доктор филологических наук,
профессор; независимый исследователь, Минск, Белоруссия

E-mail: boris.norman@gmail.com

Статья поступила. 01.02.2023. Принята к печати: 30.04.2023.

Аграмматизм в русском языке понимается как производство высказывания с таким нарушением морфологических и синтаксических норм, при котором основными средствами выражения грамматических значений становятся порядок слов и (в устной речи) интонация. Управление и согласование вытесняется примыканием, возрастает частота употребления именительного падежа. Это ситуация, когда между словами в высказывании отсутствуют должные средства связи (словоизменительные морфемы, предлоги, союзы, частицы), и само высказывание становится «рассыпчатым». Фактический материал для статьи извлечен из трех коммуникативных сфер: разговорной речи, специальных текстов (торговой и технической рекламы) и художественной литературы. Показано, что существуют общезыковые основания, объясняющие развитие данного феномена. Это: а) расчет на лексическую семантику слов и заложенные в них комбинаторные связи; б) грамматическая семантика, представленная линейным порядком слов (а в устной речи – еще и интонацией); в) поддержка со стороны социальных условий, личностных характеристик общающихся, бытового контекста, паралингвистических средств. Отмечена особая функциональная и стилистическая роль имени в синтаксисе фразы – в его противопоставлении глаголу. В фактах аграмматизма проявляется взаимодействие языковых средств между собой. В связи с этим систематизированы частные предпосылки и условия, способствующие возникновению в русском языке аграмматических конструкций, – таких как лемматизация, компрессия, эллипсис, использование заимствованных слов. Делается общий вывод, что аграмматизм – не столько средство деструкции текста, сколько ситуативно (дискурсивно) обусловленное использование многообразных функциональных возможностей языка.

Ключевые слова: аграмматизм, порядок слов, разговорная речь, существительное, именительный падеж

УДК 81`242:81`271:81`373.21

Boris Ju. Norman — Dr. Sci. in Philology, Professor;
Independent Researcher, Minsk, Belarus

ORCID 0000-0001-8520-5387

Received: 01/02/2023. Accepted for publication: 30/04/2023.

Agrammatism in Russian language is understood as the production of an utterance with such violation of morphological and syntactic norms, by which the main means of expressing grammatical meanings are word order and (in oral speech) intonation. Government and coordination are supplanted by parataxis, the frequency of the use of the nominative case increases. This is a situation when there are no proper means of connection between words in an utterance (inflectional morphemes, prepositions, conjunctions, particles), and the utterance itself becomes “crumbly”. The factual material for the paper is extracted from three communication areas: colloquial speech, special texts (commercial and technical advertising) and fiction. It is shown that there are general linguistic grounds that explain the development of this phenomenon. These are: a) expectation on the lexical semantics of words and the combinatorial connections inherent in them; b) grammatical semantics, represented by the linear order of words (and in oral speech – by intonation also); c) support from social conditions, personal characteristics of those who communicate, everyday context, paralinguistic means. The special functional and stylistic role of names in the syntax of the phrase is noted – in their opposition to the verb. In the facts of agrammatism, the interaction of language means with each other is manifested. In this regard, particular prerequisites and conditions are systematized that contribute to the emergence of agrammatic constructions in the Russian language – such as lemmatization, compression, ellipsis, the use of loan-words, etc. A general conclusion is made that agrammatism is not so much a fact of text destruction, but situational (discursive) conditional use of the diverse functionality of the language.

Keywords: agrammatism, word order, colloquial speech, noun, nominative case

OECD: 6.02.OT

V

Постановка проблемы. Согласно лингвистической традиции, основные виды значений, представленные в языке, подразделяются на лексические и грамматические. Они противопоставлены друг другу по ряду параметров: широте охвата языковых единиц (лексической базе), степени обязательности выражения, регулярности (стандартности) выражения, наличия или отсутствия внеязыкового референта и т.д. Соотношение данных типов значения и способов их выражения составляет важную типологическую характеристику любого языка. Но только признавая существование этого глобального водораздела между лексикой и грамматикой, можно рассуждать о каких-то переходных, промежуточных типах (например, о значениях вида у глаголов или рода у существительных, о семантике словообразовательных моделей и т.п.). В последние десятилетия становятся чрезвычайно популярными и перспективными исследования в области процессов лексикализации (т.е. превращения грамматической, служебной единицы в самостоятельное слово) или, наоборот, грамматикализации (превращения лексической единицы в служебный, структурный показатель).

Под аграмматизмом в русском языке мы понимаем производство высказывания с таким нарушением морфологических и синтаксических норм, при котором основными средствами выражения грамматических значений становятся словопорядок и (в устной речи) интонация. Управление и согласование вытесняется примыканием. Говоря по-другому, это ситуация, когда между словами в высказывании отсутствуют должные средства связи (словоизменяемые морфемы, предлоги, союзы, частицы), и само высказывание становится «рассыпчатым». Это – особое, но не такое уж редкое и неестественное явление. Более того, его можно считать системным, потому что оно, с одной стороны, производно от внутренних механизмов речепорождения, а, с другой стороны, не должно препятствовать осуществлению языком его основных функций: коммуникативной и познавательной. Поэтому аграмматизм мы вправе рассматривать среди стилистических феноменов, среди прочих проявлений ослабленного контроля за речепорождением, и исследовать его с точки зрения взаимодействия языковых средств между собой. В частности, представляет интерес вопрос о том, как отсутствие должных грамматических сигналов компенсируется средствами иных уровней: фонетического (в том числе интонацией), лексического (в том числе лексической комбинаторикой), а также паралингвистическими знаками.

История вопроса. Явление аграмматизма обычно исследуют в историческом плане: оно наблюдается при переходе языка от синтетического строя к аналитическому. Фактически это ломка всей языковой системы: отказ от выражения грамматических значений внутри слова. Причем, по мнению классика английского языкознания, такая перестройка способствовала точности выражения: «В то время как в древнем языке было множество окончаний, большинство из которых имели очень расплывчатые значения, в современном английском их немного, и их сфера

значения более определенна» [Jespersen, 1972, p. 168]. Но от этого диахронического аспекта мы отвлекаемся; наши интересы ограничиваются рамками синхронии.

Естественное проявление аграмматизма мы имеем в пиджинах, когда смешение двух языков приводит к доминированию лексики одного из них, а грамматика при этом «стирается», нейтрализуется, сводится к минимуму. Условно говоря, это случаи типа *Моя твоя не понимай*. Последняя фраза служит для нас типичным примером (имитацией) плохой русской речи инофона (татарина, якута или еще какого-то аборигена). Но заметим при этом, что человек, плохо освоивший чужой язык, стремится употреблять слова в их исходной, словарной форме, не вдаваясь в тонкости словоизменения и словообразования. Иностранец строит свою речь из существительных в именительном падеже единственного числа, прилагательных в такой же форме, глаголов в неопределенной форме и т.п. [Русецкий, 2011, с. 60]. Это правило должно соблюдаться и в художественной литературе. Поэтому герой романа Всеволода Иванова «Похождения факира», намеренно ломающий свою речь, вряд ли достигнет своей цели: окружающие, скорее всего, поймут, что человек только пытается выдать себя за иностранца. Вот его реплика:

– Мы – гражданских пленных. Мы имел в Петербурге магазин золотых вещей и часы. Наш магазин подвергай немецкий разгром. Мы выскочили один фрак и один лаковый ботинок. Нас посылай в Сибирь. Это трудно! Мы каждую зиму живем в теплых Индий.

Это показывает, что аграмматизм может выступать и как изобразительное средство в арсенале писателя. Но сначала мы рассмотрим данное явление в разных дискурсивных условиях: в устной разговорной речи и в торговой и технической рекламе, и лишь затем обратимся к художественным текстам.

А методологическим основанием для наших рассуждений будет постоянное соотнесение наблюдаемых фактов речи с нормой русского литературного языка, зафиксированной в академических грамматиках.

Анализ материала.

Разговорная речь

В устной спонтанной речи примеры нарушения грамматических норм многообразны. Однако для исследователя желательно, чтобы этот материал был документирован и паспортизован. На раннем этапе полевых исследований подобные записи делались тайно, в крайне несовершенных условиях. Приведем из [Пешковский, 2018, с. 586] один показательный фрагмент (отсутствие связности между репликами объясняется в значительной степени обстоятельствами записи).

...Молодые, так они темненькие, а старые, так они серые. Он хороший аккомпаниатор считается. Четыре человека вынянчила. Когда-то читал эти романы... масса... Это со вчера здесь? Все надо ткнуть! Вы думали, что правда съели все? Он горным инженером. Они ушли вместе с моей дочерью. Мне снилось, что снег.

Позже стала использоваться аудио- и видеозапись и, соответственно, в опубликованных материалах стали указываться возраст и пол общающихся, их социальный статус и т.д. Показательным в этом отношении является сборник [Русская

разговорная речь, 1978]. Сегодня в распоряжении исследователей имеется подкорпус устной речи в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ). Он содержит необходимые сведения об употреблении той или грамматической формы.

Понятно, что у спонтанной разговорной речи – во многом особый грамматический строй, свои правила построения фраз и употребления слов. Как писал швейцарец Шарль Балли, «было бы весьма странно, если бы разговорный язык не обладал особым синтаксисом; действительно, с этой точки зрения он представляет целый ряд особенностей, которые столь же интересны, сколь мало изучены. Разговорный синтаксис не изучают главным образом потому, что не считают его достойным внимания; от него старательно отгораживаются под тем предлогом, что в нем всё «неправильно»...» [Балли, 2001, с. 352–353].

Еще более категорично выразился по сходному поводу французский структуралист Ролан Барт. Размышляя над собственным опытом дремотного перебирания слов, «обычно называемого внутренней речью», известный семиолог пишет: «Эта речь... имела сугубо лексический, спорадический характер; вопреки своей видимой связности, на деле она представляла как абсолютно разорванная; ...но ведь подобный факт потенциально ведет к крушению лингвистики – той самой лингвистики, которая, веруя лишь во фразу, всегда отводила совершенно непомерную роль предикативному синтаксису (как форме логического, рационального мышления): и я сразу же подумал о скандальном положении, существующем в науке, – об отсутствии какой бы то ни было локутивной грамматики...» [Барт, 1989, с. 503].

Эта «локутивная» грамматика и есть прежде всего грамматика живой разговорной речи. При этом, отмечая в ней различного рода сбои, мы, естественно, убеждены, что имеем дело с психически полноценными субъектами речи – т.е. не рассматриваем случаи афазии и прочих клинических мозговых нарушений, а также отвлекаемся от трудностей при обучении языку в детском возрасте.

Однако и при такой оговорке мы наблюдаем на практике массу примеров хезитации (колебаний), заминок в выборе слова, употребления субститутов (не всегда удачных), описательных выражений (перифраз) и др. Синтаксическая «рассыпчатость» русской речи проявляется и в повышенной частоте употребления форм именительного падежа, ср. многочисленные примеры типа *Вы не видели белая собака?* в: [Морфология и синтаксис, 1968, с. 346–365]. Последнее подтверждает, что порядок слов – важнейшее и нередко самодостаточное средство организации фразы. Кроме того, возможные затруднения в понимании компенсируются общим опытом собеседников, единым бытовым контекстом, массой паралингвистических средств (жесты, мимика, позы и т.п.). Приведем для примера рассказ пожилой путешественницы о своих заграничных впечатлениях:

Ну что на Капри? На Капри мы поехали с моей... двоюродной сестрой / с тетей/ мы поехали мм... Это было в двенадцатом году / видите когда это / давно // Мы проехали / и в Риме были / и в... в этом... м... в Венеции были / Венеция нам очень... Там ко... конечно очень красиво все / но жить там невозможно для... // там такая сы-ы-рость / и там все вода/ кругом это // Гостиница / подъезжаешь к ней

на гондоле / и видно знаете это...// мм где вода-то бывает / что ниже все //...
[Русская разговорная речь, 1978, с. 107].

Еще один пример из того же источника – фрагмент разговора двух студентов, обозначенных как Ю. и А.:

Ю. Надо лабораторную бы сделать нам // Восьмую //

А. Лабораторку я просчитал / всё // Для воды вроде нормально можно подогнать / да? Вязкость // А вот ламинарность не получается // Турбулентность //

Ю. Ну/ ерунда //

А. Это... Ну и пускай турбулентность / да?

Ю. Конечно // У нас и так было что-то такое... хитрость... Следующую лабораторку нам надо делать //... [Там же, с. 145].

Мы находим в данных фрагментах и случаи эллипсиса, и ограничение словоизменительной парадигмы существительных, и использование субститутов, и коммуникативную полноценность отдельных (изолированных) словоформ...

Практика современной речи доказывает, что отдельная словоформа может быть абсолютно самодостаточной в коммуникативном отношении (ср. команды типа: *Ходу! Руки! К ноге! В ружье! На плечо! От винта! За родину! В атаку! За мной! По коням!*). Поэтому, на наш взгляд, совершенно правомерны те описания синтаксического компонента языковой компетенции, которые, наряду с предикатно-актантными моделями, включают в себя и систему свободных синтаксем с их типовыми значениями, см., например: [Норман, 2016, с. 128–148]; пионерским в этом смысле был «Синтаксический словарь» [Золотова, 1988].

Специальные тексты

Известно, что существуют определенные жанры речи – как письменные, так и устные, – для которых язык предстает в виде совокупности текстов, заведомо ограниченных в своем лексиконе и грамматике. Примером таких жанров может быть торговая или техническая реклама, в том числе в интернете.

Предпосылками и безусловными достоинствами рекламных объявлений является их прагматическая цельность и краткость (можно считать эти требования текстообразующими факторами рекламы). Ограниченное место и время, отчетливая иллокуция (это суггестия, уговор, навязывание: купить, включиться, поехать, прочитать и т.п.) и весьма узкий, однообразный бытовой контекст (рекламный щит, интернет-объявление, газетная страница, листовка в почтовом ящике и т.п.) позволяют сузить набор лексических единиц и свести к минимуму использование грамматических средств.

Несколько примеров со страницы объявлений русскоязычной минской газеты «Ва-банкъ» за 2016–2018 гг.; см. также: [Норман, 2013]:

Столяр лестница веранда пол и пр. ИП Ходасевич А.В.

Сайдинг отд-ка дом. ИП Вейцберг И.А.

Кровля ремонт замена дымоходы водосточки отмостки крылечки навесы бетонные работы выезд за город дост. материалов. ИП Небольсин А.В.

Потребитель сам без труда «достраивает» синтаксические отношения между лексемами в рамках соответствующей рубрики. Он воспринимает подобные тексты как полноценные и вполне соответствующие данным жизненным обстоятельствам. Наборы словоформ коллоквиализуются, превращаются в готовые клише – и это тоже можно считать более или менее универсальной тенденцией в рамках соответствующего дискурса.

Е. П. Гаран на материале англоязычных рекламных текстов приходит к выводу, что суггестия в них «выражается в словах не буквально, а растворяется в тексте, рассчитанном на нелинейное прочтение. В таком тексте существует второй план, недоступный непосредственному наблюдению, то, что читается между строк» [Гаран, 2016, с. 15]. А в одном из докладов на конференции «Лингвистика на исходе XX века» было показано, что выкрики тагальского (Филиппины) торговца фруктами и мороженым подчиняются не столько собственно синтаксической, сколько просодической организации [Гил, 1996, с. 126]. Это может показаться странным, но вот еще пример, в общем-то, совершенно «из другой оперы» – цитата из «Старых записных книжек» Л. Пантелеева (1945 год):

Мороженщица:

– А вот кому! Есть сочное, дальневосточное!..

Бессмыслица? Заумь? А ведь звучит. И потому – годится, привлекает внимание. Совсем как у Маршака:

Апельсинное.

Керосинное.

Мы в очередной раз убеждаемся, что грамматика, и уж тем более морфология, – не единственное средство организации фразы. В этом легко убедиться и на примере формул этикета, текстов современных песен, общения в интернете и т.д. Можно считать, что названные случаи аграмматизма суть проявление взаимодействия всех уровней языка – от фонетического до уровня сверхфразовых единств.

Художественная литература

Обратимся теперь к фактам русской художественной литературы. Это не просто источник фактического материала, здесь аграмматизм может быть инструментом на службе у специальных экспериментальных интенций – попыток продемонстрировать поток сознания. Речь пойдет о так называемом телеграфном стиле, призванном имитировать внутреннюю речь автора или поток сознания персонажа. Приведем два образца «внутренней речи» героя, разделенные между собой более чем столетием:

Раскольников смотрел на всё с странным ощущением равнодушия и безучастия. Ему стало противно. «Нет, гадко... вода... не стоит, – бормотал он про себя. – Ничего не будет, – прибавил он, – нечего ждать. Что это, контора... А зачем Заметов не в конторе?..» (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание).

Но вот тот, тот, другой. Ничтожество! Как он смел. Староват, потаскан. Руки влажные. Металлические зубы. Скотина. А может, не скотина? Но почему так странно? И зачем так он? Интересно, он смеялся или говорил всерьез?.. (Е. Попов. Дебют! Дебют!).

Понятно, что с убыстрением общего темпа жизни возрастает и стремление к «пунктирному» представлению ее событий. Номинативное имя ситуации оказывается достаточным для ее полного воспроизводства в сознании адресата (в том числе читателя). Вот как описывается, например, быт бригады скорой помощи:

День выдался на редкость: то сосулька с крыши, то рука в станке, то подснежник, то ножевое, – у эвакуатора на Центре халат мокрый (М. Веллер. Легенды Невского проспекта).

Если попытаться восстановить (в исследовательских целях) данные высказывания до «полных», то мы получим примерно следующее:

День выдался на редкость [тяжелый]: то [кого-то поранит] сосулька, [упавшая с крыши, то [у кого-то] рука в станке [застрянет – опять травма], то [из-под снега покажется труп – на милицейском жаргоне] подснежник, то [бытовая ссора и] ножевое [ранение], – у эвакуатора на Центре [столько работы, что от пота] халат мокрый.

Но кому нужен этот восстановленный вариант? Уж во всяком случае, не современному читателю, привыкшему понимать текст по его опорным точкам – именам ситуаций. Как писал Е. Д. Поливанов, «мы говорим только необходимыми намеками; раз они вызывают в слушателе нужную нам мысль, цель достигается; и говорить иначе было бы безрассудной расточительностью» [Поливанов, 1968, с. 296].

«Актуализирующий» тип синтаксиса, ставший доминантным еще в художественной прозе XX века, оказался наиболее востребованным при модернистских идейных установках авторов: «...Принципы модернизма реализуются в следующих свойствах модернистского дискурса: во фрагментарности, расчлененности, в краткости, сжатости, информативной спрессованности, в динамизме текста; в затемненности смысла; в аритмии текста, в нарушении естественных пропорций, иерархии; в разговорности и даже устности письменного художественного текста» [Покровская, 2003, с. 201–202].

Очень любопытны в данном отношении декларации самих модернистов. Так, один из основателей имажинизма, Вадим Шершеневич, отталкиваясь в своей статье от следующего буквального перевода китайской фразы: «Как теперь далее брать отец мать больной любить ты группа относительно сердце внутренности сказать один сказать», резюмировал: «Из анархической вольницы возникает организованное войско путем взаимовлияний образов одних слов на соседние» [Шершеневич, 2018, с. 689]. Отсюда, из расчета на «образ слова», вытекает установка на борьбу с глаголом («болезнью нашей речи»), с предлогами, с пунктуацией, и, в конечном счете, – призыв «разбить кандалы грамматики, оковы склонений, спряжений, цепи синтаксической согласованности» [Там же, с. 688]. Понятно, что такой максимализм соответствовал определенной художественной программе.

Сегодня для исследователя фактического материала особую ценность представляют собой драматургические тексты, которые в наибольшей степени отражают живую устную речь: пьесы Н. Коляды, Л. Петрушевской, Л. Улицкой и др. Приведем один пример.

Иванова: ...Ну... это не наши дела. Это посох...

Иванов (подходит, смотрит в папку): *Посох? А мы при чем?*

Человек в очках (волнуясь): *Ребят, ну мы же тогда, в январе, обсуждали... посох идет по третьему, Танюша у нас доверенное лицо, значит...*

Иванова (перебивает его): *Значит, можно мне совать чужое?*

Человек в очках: *Как чужое? Танюша! Это же обсуждалось! Я тогда спросил Реброва – как быть с совместителями? Он сказал – Румянцева берет слово обратно. Ты не помнишь разве?*

Иванова: *Ничего не помню! (Достает из кармана ручку и подписывает документы по очереди). По Ваське я подпишу... по седьмым подпишу... семеновскому подпишу... обрезку подпишу... а с посохом, дорогой, разбирайся сам.*

Человек в очках (в сильном волнении): *Как – сам?! Как сам?! Танюш! Это же...*

Иванова (раздраженно): *Что – Танюш! Как подписывать, так сразу – Танюш! А как фонды – так товарищ Николаева! (В. Сорокин. Пельмени).*

Верхом же сознательных попыток деграмматизировать текст являются образцы целиком номинативных построений. Это цепочки субстантивов, каждый из которых представляет собой знак ситуации и оформляется как самостоятельное предложение. Приведем один такой пример – начало стихотворения О. Молоткова «Человеческая комедия»:

*Мама, сказка, каша, кошка,
книжка, яркая обложка,
Буратино, Карабас.
Ранец, школа, первый класс,
грязь в тетради, тройка, двойка,
папа, крик, головомойка,
лето, труд, колхоз, солома,
осень, сбор металлолома...*

В каком-то смысле это – языковая игра, но она, с одной стороны, ярко демонстрирует номинативные потенции языка, а, с другой, – обнажает один из механизмов аграмматизма. Сто лет назад А.М. Пешковский, изучая особенности употребления именных конструкций в русском литературном языке, констатировал отсутствие у девербатов синтаксической перспективы: «Речь, построенная на отглагольных существительных, есть речь всегда вялая, путаная, не расчлененная на синтаксические звенья и соответственно мелодически бедная, бесформенная» [Пешковский, 2018, с. 287]. Однако призыв ученого: «Назад к глаголу!» остался в архивах лингвистики как своего рода стилистическое донкихотство. Стало ясно, что разные коммуникативные задачи требуют различного использования языковых средств и отказ от морфологии означает перекалывание соответствующей доли грамматической нагрузки «на плечи» порядка слов и интонации.

Добавим, что многообразные попытки деструкции текста в новейшей художественной литературе хорошо сочетаются с экспериментами в области лексики – в частности, с использованием так называемой зауми, с конструированием заведомо окказиональных слов и т.п. (см.: [Бабенко, 2007, с. 92–118]). Система языка

обладает столь мощным и гибким коммуникативным потенциалом, что может себе позволить пренебречь обыденным стандартом.

Разумеется, отдельные разновидности художественного дискурса налагают на использование грамматики частные ограничения. Это касается не только литературных произведений, но и других видов искусства, в которых задействовано слово. Один из фильмов режиссера Киры Муратовой – «Увлеченья» – начинается со встречи нескольких человек – пациентов и посетителей больницы – в больничном саду на взморье. Это жокеи, цирковые артисты, медсестра – и каждый говорит «сам по себе» (или сам с собой), вставляя иногда в свою речь специальные термины, но зрителю неясны и даже не очень слышны эти реплики. Это лишь знак общения, а не само общение – и если так, то не все ли равно зрителю, о чем люди говорят? До грамматики ли тут?

Результаты анализа. Таким образом, применительно к русскоязычному общению, аграмматизм существует только в определенных социально-коммуникативных условиях, а именно в ситуациях, когда дискурс позволяет говорящему «обойтись» без некоторых средств грамматики или даже прямо «подталкивает» его к этому. Но следует признать также, что существуют общезыковые предпосылки (или основания), объясняющие развитие данного феномена. Как показывает наш материал, это:

а) расчет на лексическую семантику слов и заложенные в них комбинаторные связи;

б) грамматическая семантика, представленная линейным порядком слов (а в устной речи – еще и интонацией);

в) поддержка со стороны социальных условий, личностных характеристик общающихся, бытового контекста, паралингвистических средств.

Кроме того, можно выделить некоторые частные внутриязыковые процессы, обслуживающие процесс формирования аграмматических конструкций. Приведем их в виде списка и проиллюстрируем имеющимся в нашем распоряжении материалом:

– лемматизация: сведение парадигмы слова к его исходной (словарной) форме: например, вместо *весна, весны, весне...*, *с весны, по весне, благодаря весне... вёсны, вёсен, вёснам...* и т.п. – единая словоформа *весна*. Лемматизация, как известно, легализована в некоторых жанрово-стилистических условиях (номенклатурные перечни, список ключевых слов и т.п.), но ее распространение ведет к экспансии примыкания: *порция рыба хек серебристый, каша перловая шрапнель* и т.п.;

– эллипсис, в том числе опущение облигаторных актантаов или сирконстантов: *станция называлась; жизнь протекала; статус обязывает; свечи сближают; одиночество помогает; ты со мной не пошла вальс* и т.п. Это может приводить и к созданию новых лексических единиц: *компания зажигает, что ты гонишь? МТС тут не ловит* и т.п.;

– стяжение (компрессия) синтаксической структуры: *подайте на ущерб; лекарство от головы; ехать по Единства; дача по Риге; положения на защиту; от босоножек отказалась, потому что пальцы* и т.п.; компрессия охотно

комбинируется с метафорой и метонимией: *сидеть в ногах дивана; шампанского хрусталь, а шпаги заржавели; Гиннес от меня не уйдет* и т.п.;

– окказиональная субстантивация: *выпить по чуть-чуть; через не могу; поехать за бесплатно или за недорого; принимать на ура; рассчитывать на авось; помнить с до войны; оставить на после обеда; жить с моложе себя* (вопреки общему принципу аграмматизма, предлоги в этих конструкциях принимают активное участие);

– расширенное употребление атрибутивного, причинного или целевого инфинитива: *куртка накрыться; вода умыться; рекламная пауза сходить в туалет; обожаю передачи для посмеяться; минимум времени на подумать; полюбопытствовать остаться; расстарался для потешить взор; какое одиночество парить* и т.п.;

– развитие вторичной предикативности: *текстик написали дрянь; старшина зверь пришел; купил рыбу просто ужас; это похвала считай аванс; одни бабы живем* и т.п.;

– широкое использование (главным образом в рекламе и в СМИ) заимствованных слов – неизменяемых или «плохо изменяемых», таких как *априори, арт, фэшн, лайт, боди, микс, пати, хайтек, демо, фри, фуд, VIP (виайпи), сейшн, супер* и др.;

– фразеологизация словосочетаний (создание синтаксически неразложимых клише): *имя-отчество; сумма прописью; сидеть нога на ногу; руки в боки; уж замуж невтерпеж; видал миндал; выбрать за границу; дядя самых честных правил; СанСаныч; на чем свет* и т.п.

Выводы. Представляя собой объективную данность языкового развития, описанные внутриязыковые процессы в чем-то пересекаются, кооперируют свои усилия и в целом подготавливают носителя русского языка к использованию и восприятию конструкций, лишенных должного морфологического оформления. И если присовокупить к этому определенную долю эмпатии, готовности слушающего «пойти навстречу» говорящему, то предпосылок для появления аграмматического текста оказывается более чем достаточно.

Рассмотренный материал показывает, что аграмматизм – не столько средство деструкции текста, сколько ситуативно (дискурсивно) обусловленное использование многообразных функциональных возможностей языка.

Литература

- Бабенко, Н. Г. (2007). *Лингвопоэтика русской литературы эпохи постмодерна*. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та.
- Балли, Ш. (2001). *Французская стилистика*. Москва: УРСС.
- Барина Г. А., Земская Е. А., Капанадзе Л. А. [и др.] (авторы-состав.). *Русская разговорная речь. Тексты* (1978). Москва: Наука.
- Барт, Р. (1989). Удовольствие от текста. В книге: Барт Р. *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. Москва: Прогресс, 462–518.
- Гаран, Е. П. (2016). Основные особенности рекламного текста. *Концепт: научно-методический электронный журнал*, 40, 15–18. Электронный ресурс: <https://e-koncept.ru/2016/56891.htm>
- Гил, Д. (1996). Знание грамматики, знание языка. *Вопросы языкознания*, 2, 118–140.
- Золотова, Г. А. (1988). *Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса*. Москва: Наука.
- Морфология и синтаксис современного русского литературного языка (1968). Т. 3. *Русский язык и советское общество: социолого-лингвистическое исследование: в 4 кн.* Москва: Наука.
- Норман, Б. Ю. (2013). Сапоги Италия, ванна Новокузнецк, крыша черепица... О дискурсивной обусловленности грамматики. *Slavica Nitriensia*, 1, 5–17.
- Норман, Б. Ю. (2016). *Жизнь словоформы: учебное пособие*. Москва: ФЛИНТА: Наука.
- Пешковский, А. М. (2018а). Глагольность как выразительное средство. *Лингвистика. Поэтика. Стилистика*. Москва: ФЛИНТА, 272–288.
- Пешковский, А. М. (2018б). Десять тысяч звуков. В книге: Пешковский, А. М. *Лингвистика. Поэтика. Стилистика*. Москва: ФЛИНТА, 582–615.
- Покровская, Е. А. (2003). Синтаксис модернистского дискурса. *Slavica Tartuensia*. Вып. VI: Славянские языки: от прошлого к настоящему, 199–207.
- Поливанов, Е. Д. (1968). По поводу «звуковых жестов» японского языка. В книге: Поливанов Е. Д. *Статьи по общему языкознанию: избранные работы*. Москва: Наука, 295–305.
- Русецкий, В. Ф. (2011). «Инструкция употребление», или Причины и механизмы речевых ошибок. *Русский язык в школе*, 2, 60–68.
- Шершеневич, В. Г. (2018). Ломать грамматику. В книге: Пешковский А. М. *Лингвистика. Поэтика. Стилистика*. Москва: ФЛИНТА, 687–697.
- Jespersen, O. (1972). *Growth and Structure of the English Language*. 9th Edition. Basil Blackwell Oxford.

References

- Babenco, N. G. (2007). *Linguistic poetics of Russian literature of the postmodern era*. Saint-Petersburg University Publ. (In Russian).
- Balli, Sh. (2001). *French stylistics*. Moscow: URSS Publ. (In Russian).
- Bart, R. (1989) Text pleasure. In: Bart R. *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika*. Moscow: Progress Publ., pp. 462-518. (In Russian).
- Garan, E. P. (2016). The main features of the advertising text. *Nauchno-metodicheskii zhurnal «Kontsept»*, 40, 15–18. Retrieved from: <https://e-koncept.ru/2016/56891.htm>. (In Russian).
- Gil, D. (1996) Knowledge of grammar, knowledge of the language. *Voprosy iazykoznanii*, 2, 118–140. (In Russian).
- Jespersen, O. (1972). *Growth and Structure of the English Language*. 9th Edition. Basil Blackwell Oxford.
- NKRla – *Russian National Corpus*. Retrieved from: www.ruscorpora.ru. (In Russian).
- Norman, B. Ju. (2013). “Sapogi Italiia, vanna Novokuznetsk, krysha cherepitsa...” About the discursive conditioning of grammar. *Slavica Nitriensia*, 1, 5–17. (In Russian).
- Norman, B. Ju. (2016) *The life of a wordform*. Moscow: FLINTA–Nauka Publ. (In Russian).
- Panov, M. V. (Ed.) (1968). *Morphology and syntax of the modern Russian literary language* (series “Russian language and Soviet society). Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
- Peshkovskii, A. M. (2018a) Verb as a means of expression. In: Peshkovskii, A. M. *Lingvistika. Poetika. Stilistika*. Moscow: FLINTA Publ., 272–288. (In Russian).
- Peshkovskii, A. M. (2018b). Ten thousand sounds. In: Peshkovskii, A. M. *Lingvistika. Poetika. Stilistika*. Moscow: FLINTA Publ., 582–615. (In Russian).
- Pokrovskaja, E. A. (2003). The Syntax of Modernist Discourse. In: *Slavianskie iazyki: ot proshlogo k nastoiashchemu* (Slavica Tartuensia VI). Tartu University Publ., 199–207. (In Russian).
- Polivanov, E. D. (1968). Regarding the "sound gestures" of the Japanese language. In: Polivanov, E. D. *Stat'i po obshchemu iazykoznaniiu*. Moscow: Nauka Publ., 295–305. (In Russian).
- Rusetskii, V. F. (2011). “Instruction using”, or Causes and mechanisms of speech errors. *Russkii iazyk v shkole*, 2, 60–68. (In Russian).
- Shershenevich, V. G. (2018). Break grammar. In: Peshkovskii, A. M. *Lingvistika. Poetika. Stilistika*. Moscow: FLINTA Publ., 687–697. (In Russian).
- Zemskaja, E. A., Kapanadze, L. A. (Eds.) (1978). *Russian colloquial speech. Texts*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
- Zolotova, G. A. (1988). *Syntax Dictionary. Repertoire of elementary units of Russian syntax*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

Для цитирования статьи:

Норман, Б. Ю. (2023). Аграмматические тексты и их место среди продуктов речевой деятельности. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(7), 66–77.

DOI: 10.34680/VERBA-2023-2(7)-66-77

For citation:

Norman, B. Ju. (2023). Agrammatical texts and their place among the of speech activity's products. *VERBA. North-West linguistic journal*, 2(7), 66–77. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2023-2(7)-66-77